

A person is seen from behind, walking down a long, narrow aisle in a vast, futuristic library. The shelves on both sides are filled with books, and the floor is reflective. The lighting is a mix of cool blue and warm orange, creating a mysterious atmosphere. A bright blue beam of light descends from the ceiling in the center of the aisle.

Эйджей Рид

АРХИВ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

18+

Эйджей Рид

АРХИВ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

<https://litres.ru/74382577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илай — Архивариус. Его работа — сортировать и каталогизировать чужие воспоминания, извлечённые из чипов людей. Он живёт в мире, где личность можно упаковать в файл, а боль — откалибровать, как шум в аудиозаписи.

Как отличить свою личность от мастерски собранного коллажа из обрывков чужих душ, когда фундамент этой личности оказывается взят в аренду?

Содержание

Глава первая	4
Часть первая. Утро по протоколу	4
Час	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

АРХИВ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

Глава первая

Часть первая. Утро по протоколу

В шесть сорок три город включил дождь — не звук, а вибрацию, глухой удар по герметичным стёклам, который отозвался в костях. Илай Восс проснулся за три секунды до этого. Не от шума. От сигнала, который имплант ввёл прямо в ствол мозга: мягкий электрический толчок, растворяющий сон, как кислота — плёнку на старом негативе.

Он открыл глаза в предрассветной синеве комнаты. Воздух был стерилен, лишён запаха, будто его отфильтровали от всего живого. Единственный источник света — панель управления кроватью, мерцающая тусклым янтарным светом. Он лежал неподвижно, чувствуя, как система сканирует его биоритмы, проверяя факт пробуждения. Раньше это вызывало смутное сопротивление. Теперь было просто данностью, ещё одним суставом в теле, который слегка ноет по утрам.

ДОБРОЕ УТРО, ИЛАЙ ВОСС.

Текст возник в левом нижнем углу зрения, сопровождаемый тихим, навязчивым гудением, похожим на звон в ушах

от тишины.

Возраст: 72 года. Состояние здоровья: удовлетворительное. Уровень тревожности: 8%. Индекс социальной полезности: 61%. Сегодня вы можете быть лучше.

Последняя строка исчезла, не оставив следов. Система не ждала ответа. Она констатировала. Илай медленно сел, костяшки пальцев побелели от хватки за край кровати. Холод. Он всегда чувствовал холод, даже когда датчики показывали идеальные двадцать два градуса. Холод был в суставах, в глубине грудной клетки, в том месте, где когда-то, как ему казалось, жило что-то тёплое и собственное.

Пол засветился под его босыми ногами — мягкая, бирюзовая дорожка, ведущая в ванную. Он встал и пошёл, не глядя на свет. Его взгляд упал на стену напротив.

Фотография. Бумажная, выцветшая до оттенков сепии. Эстер. Молодая, у окна, прикрывающая ладонью глаза от солнца, которого на снимке не было. Край фотографии был слегка загнут. Илай помнил, как она загнулась — упала со стола, и он поднял её, стараясь разгладить. Воспоминание было чётким, тактильным: шероховатость бумаги под пальцем, пыль на стекле рамки.

— Доброе утро, Эстер, — прошептал он, голос хриплый от ночи.

На периферии взгляда мелькнула запись: *«Ритуальное обращение к визуальному стимулу 4 (архивировано). Эмоциональный отклик: ностальгия, низкая интенсивность. Реко-*

мендация: предложить цифровое оживление образа».

Предложение не появилось. Система уже знала ответ.

В ванной зеркало ожило раньше него. Холодная рама вспыхнула голубым, и из темноты, будто проявляясь в проявителе, возникло его отражение. Не лицо — диагноз. Тонкая, почти прозрачная кожа, проступающая сетка капилляров у висков, глубокие складки, которые казались не морщинами, а трещинами в глазури. Глаза — бледно-серые, водянистые. В них не было раздражения. Была лишь усталая привычка.

Пульс: 68. Давление: 127/85. Когнитивная ясность: 87%. Рекомендовано: повторное воспроизведение утреннего курса памяти (модуль «Оптимизация настроения»).

— Отмена, — сказал Илай, отводя взгляд от своего двойника в зеркале.

Понимаю. Вы сегодня не хотите чувствовать себя лучше.

В этом не было иронии. Только констатация факта. Он побрился вручную. Старая бритва с костяной ручкой — анахронизм, артефакт. Её лезвие скользило по коже с тихим, шелестящим звуком. В памяти всплыл образ: не его собственные руки, а её пальцы, уверенные и нежные, направляющие лезвие по линии его челюсти. Воспоминание было настолько ярким, что он на миг ощутил тепло её ладони у своего виска. Затем образ рассыпался, оставив после себя лишь пустоту и холод металла.

На кухне кофейный автомат уже завершил цикл. Чашка

стояла на подогреваемой площадке, от неё поднимался пар. Илай сделал глоток — и остановился. Вкус был неправильным. Слишком сладкий, приторный, почти детский. Это был не его горький, чёрный кофе. Это был еёкофе.

— Уменьшить содержание сиропа на десять процентов, — сказал он в пространство.

Голосовой интерфейс ответил мгновенно, женским, успокаивающим альто: *«В таком случае изменение вкусового профиля потребует подтверждения. Профиль «Утренний-Эстер» был установлен 14 лет, 3 месяца и 7 дней назад. Он связан с воспоминаниями о супруге. Вы уверены?»*

Илай замер, чашка застыла в воздухе на полпути к губам. Он не помнил момента установки профиля. Не помнил, чтобы вводил эту настройку. Но он *помнил* вкус. Помнил, как Эстер пила такой, сладкий до зубной боли, кофе по утрам, сморщиваясь и улыбаясь одновременно. Помнил, как покупал для неё особый сироп с ванилью. Помнил запах ванили на её коже.

Но было ли это *его* воспоминание? Или просто деталь, вшитая в биографию, как метка в ухо животному?

— Подтверждаю, — выдавил он, и голос прозвучал чужим.

«Профиль обновлён. Приятного начала дня, Илай.»

Он допил кофе, уже не обращая внимания на вкус. За окном город окончательно стряхнул с себя ночь. На фасаде башни напротив гасли последние рекламные симуляции, и

их место занимали утренние директивы. Буквы, составленные из холодного белого света, плыли в серой дымке:

ПИТЬ ВОДУ.

ПРИНИМАТЬ ЛЕКАРСТВА.

НЕ ПЕРЕДАВАТЬ НЕПРОВЕРЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

ДОВЕРЯЙТЕ АРХИВУ. ДОВЕРЯЙТЕ АРХИВУ. ДОВЕРЯЙТЕ.

Внизу, на улице, люди выплывали из подъездов и двигались по светящимся тротуарным дорожкам, словно частицы в ламинарном потоке. Их лица были обращены вперёд, движения экономичны. Никто не смотрел на небо. Никто не останавливался перед витриной. Они шли, и их шаги, синхронизированные с ритмом города, отдавались в подвалы сознания Илая глухим, равномерным стуком.

Дождь усилился. Крупные капли били в стекло, не производя звука, но каждое попадание отзывалось слабой вибрацией в раме. Илай приложил ладонь к холодному стеклу. Оно дрожало, как живое. Как будто с другой стороны кто-то пытался до него достучаться.

Он отдернул руку. Внезапный, острый спазм боли пронзил висок — не физической, а той, что возникает в месте стыка памяти и реальности. Перед глазами на мгновение проплыл другой образ: не Эстер у окна, а Эстер в больничной палате, бледная, с сухими губами. И её голос, нежный и безжалостный, как скальпель:

«Ты обещал.»

Боль отступила так же быстро, как и пришла. В углу зрения замигал предупреждающий значок импланта: *«Обнаружен спонтанный нейровсплеск. Источник: неопознанная память. Предлагается диагностика.»*

Илай нажал ментальную команду «Отклонить». Значок погас.

Он стоял у окна, глядя на город, который медленно проглатывал утро. Кофе остывал в чашке. Холод в суставах сменился привычным, тупым нытьем. Система вежливо напомнила о лекарствах. Всё было как всегда.

Только вкус ванили, призрачный и навязчивый, всё ещё стоял у него во рту. И вопрос, тихий и чёткий, как удар метронома:

Если я не устанавливал этот профиль... то кто?

Час

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.